

О ПЕРВЫХ ПЕРЕВОДАХ НА НЕМЕЦКИЙ ЯЗЫК ПОЭМЫ А. С. ПУШКИНА «ЦЫГАНЫ»

Плоды духовной деятельности носителей передовых идей особенно в XIX веке становятся общим достоянием человечества. Мировая литература начинает формироваться как нечто целостное, процесс ее развития носит непрерывный характер. Литературные связи и взаимоотношения как одна из его составных частей также претерпевают постоянные изменения. Важнейший источник укрепления литературных связей — деятельность переводчиков, она в существенной мере содействует процессу восприятия одной национальной литературы представителями другой нации.

Поскольку переводная литература относится к области литературных взаимодействий в широком смысле этого слова и всякий факт литературного взаимодействия есть и факт идеологический, постольку сам выбор автора или произведения как объекта для перевода свидетельствует не только о художественном вкусе и литературном направлении переводчика, но и об определенных исторических установках. В этой связи нужно отметить, что переводы художественной литературы всегда соответствуют идеологическим запросам, возникающим на данном историческом этапе у той или иной литературно-общественной группы. «Всякий перевод, как и более отдаленное и свободное подражание литературному образцу, связан с творческим переосмыслением, с частичной перестройкой подлинника на основе стиля самого переводчика или по крайней мере выдвигает, усиливает определенный аспект подлинника, наиболее близкий и потому наиболее доступный и понятный переводчику. Подобное стилистическое переосмысление означает тем самым более или менее существен-

ную идеологическую переработку, сознательную или бессознательную», — говорит В. М. Жирмунский.¹

Эти слова в полной мере относятся и к первым переводам на немецкий язык романтической поэмы А. С. Пушкина «Цыганы» Роберта Липперта, Эдуарда фон Ольберга и Г. Л. Шмитта. Перевод последнего был опубликован в 1840 году в издававшемся Августом Левальдом журнале «Europa. Chronik der gebildeten Welt».² В том же году свои переводы «Цыган» представили немецкому читателю Липперт и Ольберг в сборниках переведенных ими произведений Пушкина.³

Для того, чтобы можно было лучше оценить труд этих переводчиков, необходимо коротко проследить противоречивый процесс восприятия творчества А. С. Пушкина в Германии того времени. Долгие годы немецкая общественность была убеждена в том, что русская литература все еще находится на начальном этапе своего развития и не представляет поэтому интереса для немецкой читающей публики. Кроме того, ей внушалась мысль, что Пушкин — это русский Байрон. Появлявшиеся изредка суждения о самобытности русского поэта терялись на общем фоне предвзятых мнений и оценок. В этих условиях в 1838 году появилась статья Фарнхагена фон Энзе, вызвавшая обширную полемику на страницах немецкой периодической печати.⁴ Еще одно событие подогревало всеобщий интерес к творчеству Пушкина — его внезапная гибель. Эти два обстоятельства послужили поводом для постановки вопроса о значении славянского мира в Средней Европе. Статья Фарнхагена фон Энзе была направлена против неудовлетворительного знания русского языка и литературы, а также против распространенного мнения о том, что русская литература не интересна и не заслуживает пристального внимания. Причиной всего этого автор считает недоста-

¹ Жирмунский В. М. Гете и русская литература. Л., 1982, с. 12.

² Die Zigeuner von Alexander Puschkin./Aus dem Russischen übersetzt von H. L. Schmitt. — In: Europa: Chronik der gebildeten Welt In Verbindung mit mehreren Gelehrten und Künstlern herausgegeben von August Lewald, 1840 Erster Band, Stuttgart, Literatur-Contor, s. 337—352 (Далее везде Шмитт с указанием страницы).

³ Alexander Puschkin's Dichtungen./Aus dem Russischen übersetzt von Dr. Robert Lippert. Leipzig: Verlag von Engelmann, 1840 Erster Band (Далее везде Липперт с указанием страницы). Gedichte von Alexander Puschkin. Aus dem Russischen übersetzt von E. v. O. <I>berg>. Berlin: Verlag von Georg Gropius, (Далее везде Ольберг с указанием страницы).

⁴ Jahrbücher für wissenschaftliche Kritik, 1838, Nr. 61.

точную переводческую деятельность. Политическая подоплека неверной оценки русской литературы осталась для Фарнхагена скрытой. В своей статье он также выступает против широко распространенного утверждения, будто Пушкин только подражатель Байрона, указывая на то, что оба поэта принадлежат одному и тому же веку, конфликты которого они близким образом переживают. Более того, Фарнхаген фон Энзе ставит Пушкина рядом с Гете и, следовательно, в один ряд с великими представителями мировой литературы. Благодаря многочисленным ссылкам на сопоставимые явления в немецкой и других европейских литературах немецкий читатель получил хорошее представление о международном значении творчества Пушкина. Большое значение этой статьи заключалось еще и в том, что в ней подчеркивалась оригинальность творчества Пушкина, а также его талант лирика.

Немецкие литературные критики встретили положительную оценку творчества Пушкина Фарнхагеном по-разному: одни с одобрением, другие враждебно — в этом проявились широко распространенные в то время антирусские настроения. Тем не менее пробудившийся общественный интерес к Пушкину стал причиной первых изданий его книг в Германии в 1840 году. Ответственность переводчиков, участвовавших в издании этих произведений, была очень велика. Немецкие читатели, сбитые с толку бурной и противоречивой полемикой вокруг Пушкина, охотно принялись за чтение переводов с тем, чтобы составить свое собственное мнение о творчестве русского поэта.

Обратимся к ранним немецким переводам «Цыган». Все три переводчика сохраняют в основном общее композиционное строение поэмы: пролог, 11 «сцен» и эпилог. Имеются лишь небольшие различия в количестве строк того или иного отрывка произведения. Так, если пролог в оригинале насчитывает 38 строк, то у Шмитта их также 38, у Липперта — 42, у Ольберга — 39; в эпилоге у каждого из переводчиков соответственно: 22, 20, 24 строки, тогда как в оригинале их 30. Дело в том, что 8 строк эпилога, начиная со слов «За их ленивыми толпами...», при жизни Пушкина не печатались вообще (он их вписал от руки в экземпляр, подаренный Вяземскому). Что касается пушкинской строфы в поэме «Цыганы», которую В. Жирмунский охарактеризовал как «строфические

тирады неопределенных размеров»,⁵ то переводчики по-разному попытались передать ее своеобразие. Шмитт последовательно придерживался рифмовки Пушкина практически во всем переводимом тексте поэмы, Липперт — лишь приблизительно, часто заменяя перекрестную рифмовку в строфах на опоясывающую или смежную и наоборот. Ольберг же совершенно отказался от рифмовки и перевел поэму белым четырехстопным ямбом. Например, первое четверостишие пролога переведено так:

Durch Bessarabiens Fluren zieht
Geräuschvoll die Ziegeuner Horde.
In halb zerris'nen Zelten ruht
Am Fluss sie heut, auf grünem Ufer.⁶

Такоевольное обращение с оригиналом уже позволяет заключить, что перевод Ольберга по сравнению с остальными двумя заметно проигрывает. Однако перевод знаменитых вставных стихов о «птичке божией» у всех переводчиков, и у Ольберга в том числе, дан в полном соответствии с оригиналом, то есть стихи переведены хореем с перекрестной рифмовкой. Если предположить, что для Липперта и Шмитта это было продолжением их общей установки на максимальное сходство с метрическим рисунком оригинала, то Ольберг здесь по каким-то причинам отступил от своей манеры. Возможно, он был осведомлен о восходящем еще к Третьяковскому представлении, связывавшем русский устный народный стих с хореем и воспринял стихи о «птичке» как своего рода лирическое отступление на народные темы. В переводе песни Земфиры у Ольберга есть нерифмованные строки, что же касается переводов Липперта и Шмитта, то у них, как и всюду, рифма имеется. Попутно нельзя не отметить изрядную тяжеловесность песни Земфиры в переводе Ольберга, например, в строках:

Alter Mann, harter Mann
Schneide mich, brenne mich
Fest ich bin, fürchten kann
Messer, noch Feuer ich.

⁵ Жирмунский В. М. Байрон и Пушкин. Пушкин и западные литературы. Л., 1978, с. 29.

⁶ Ольберг, с. 97.

Hasse Dich fürchterlich,
Gänzlich veracht' ich, Dich,
Anderen Mann liebe ich,
Liebend auch sterbe ich.⁷

Обилие назойливых повторов на -ich и шипящих звуков никак не могло вызвать у читателя ассоциаций, связанных с пением (пусть даже названным Алеко в его реплике «дикими песнями»). Не удалось, впрочем, избежать почти аналогичных повторов и Шмитту, так что наиболее удачным из трех следует признать перевод песни Земфиры у Липперта.

Обязательное соблюдение метрической схемы с ее, как правило, предписанным количеством слогов приводит к значительным диспропорциям в слоговом членении строк немецкого перевода. Для ликвидации этих диспропорций переводчики на немецкий язык часто применяют разного рода элизии (диэрезы), а также — поскольку это допускается законом языка — всевозможные сращения, например, предлога с артиклем, глагола-связки с местоимением и т. д. Рассматриваемые в настоящей работе авторы также широко пользовались этими методами. Так, в переводах Липперта и Шмитта имеется одинаковое количество диэрез и сращений типа: dir's, off'nem, erinn'ge, einförm'ge, gezwung'ne и т. д. — по 29. У Ольберга их существенно больше — 37. Здесь необходимо отметить следующее: злоупотребление слогоэкономными элизиями и сращениями ведет к ухудшению звукового оформления стиха, так как появляются скопления согласных, порой весьма неблагозвучные. Пример такого злоупотребления находим в переводе Ольберга: труднопроизносимые сочетания смычных согласных (типа: gewalt'ge, zott'ger, blut'ge, einz'ger, dürft'gen и т. д.). Для сравнения скажем, что у Липперта имеется всего один пример такого рода, у Шмитта — 3. Таким образом, если сравнивать переводы с точки зрения их ритмической и метрической структуры, а также благозвучия и музыкальности, то можно прийти к выводу, что перевод Ольберга и в этом плане значительно хуже обоих других, из которых, в свою очередь, перевод Липперта представляется более удачным.

Сравнение переводов некоторых отрывков пушкинской поэмы, наиболее ярких в отношении инструментовки стиха,

⁷ Ольберг, с. 112.

позволяет также выявить ряд различий в способах решения многочисленных проблем, возникающих перед переводчиками. Так, например, во второй сцене Пушкин блестяще пользуется аллитерацией для передачи шумного пробуждения цыганского табора:

И с шумом высыпал народ;
Шатры разобраны; телеги
Готовы двинуться в поход (IV, 182).

Липперт перевел эти стихи следующим образом:

Da stürmt das Volk heraus, -- befreit
Von Zelten wird die Lagerstätte,
Zum Aufbruch sind die Karr'n bereit ⁸

Налицо достаточно удачная передача авторского замысла путем использования обширных возможностей аллитерации, предоставляемых немецким языком. Тот же отрывок у Шмитта:

Weg sind die Zelte, und die Menge
Der Wagen stehet zugbereit
Jedwedes lebt; in Emsigkeit ⁹

Преобладание сонорных l, m, n и назального сочетания звуков ng искажает подразумеваемое соответствие между содержанием стиха и его звуковым оформлением — явный просчет переводчика. И, наконец, перевод данного отрывка Ольбергом:

Die Zelte werden abgebrochen,
Mit Larmen strebt das Volk daher
Zugleich ist alles in Bewegung.¹⁰

Бросается в глаза подчеркнутое яркая инструментовка на «г» в первых двух строках, но и она не избавляет аллитерацию от однотонности, в то время как здесь требуется передача разноголосицы табора: криков людей, скрипа телег, топота и ржания коней.

---

⁸ Липперт, с 29.

⁹ Шмитт, с 339

¹⁰ Ольберг, с. 101.

Заслуживает внимания сравнение переводов некоторых наиболее важных в плане содержания эпизодов поэмы. Здесь задачей переводчиков являлась прежде всего передача эмоциональной напряженности действия, как, например, в эпизоде свидания Земфиры с молодым цыганом. Пушкин вкладывает в уста своих героев торопливые, отрывистые реплики, которые, за исключением одной, очень коротки и состоят всего из одной строки. Ольберг, стремясь к точности передачи содержания каждой реплики, растягивает некоторые из них до двух строк, отчего сразу «сбивается темп» повествования, например, реплика:

Цыган

Скажи — когда ж опять свиданье? (IV, 197)

в переводе Ольберга выглядит так:

O, sprich, Geliebte, sage mir:
Wann sehen wir uns endlich wieder?¹¹

(«Скажи, о возлюбленная, скажи мне, когда же, наконец, мы увидимся вновь?»). Кроме указанного недостатка бросается в глаза вычурность стиля: такие речи плохо увязываются с обликом простого цыгана. Липперт же здесь нисколько не отошел от оригинала:

Sag' an, wann wir uns wiedersehen?¹²

— простые слова в устах простого человека. Почти аналогично звучит строка и у Шмитта:

Wann werden wir uns wiedersehen?¹³

И, наконец, кульминационная сцена: Алеко застаёт любовников. У Пушкина — те же торопливые, отрывочные фразы, как бы нагнетающие напряжение перед неизбежной развязкой. Этот эпизод дан во всех трех переводах с достаточной степенью соответствия оригиналу как по содержанию,

---

¹¹ Ольберг, с. 125.

¹² Липперт, с. 45.

¹³ Шмитт, с. 348.

так и по форме. Более того, при переводе строк, описывающих мгновения наивысшего напряжения действия, —

1-й голос
Если без меня
Проснется муж?..

Алеко
Проснулся я (IV, 199)

— Липперт необыкновенно удачно нашел и использовал омонимичные в немецком языке формы глагола «просыпаться» в третьем лице единственного числа — *erwacht* — и сочетания местоимения с глаголом в той же форме — *er wacht* — «он бдит»:

Erste Stimme
Wenn in der Nacht
Aleko ohne mich...

Aleko.
Er wacht!...¹⁴

— готовое сорваться с уст Земфиры слово произносит грозный голос мужа, в этом слове и развязка драмы, и приговор ее героям. Если вспомнить крылатые слова Жуковского («Переводчик в прозе есть раб; переводчик в стихах — соперник»), то Липперт здесь проявил себя как достойный соперник Пушкина: мужское окончание рифмы — если применить к нему знаменитую характеристику лермонтовского ямба, данную Белинским, — поистине «падает, как удар меча».

Пример неадекватной передачи авторского замысла в переводе Ольберга — перевод реплики молодого цыгана в его разговоре с Земфирой, которая обещает ему прийти на свидание. В оригинале эта реплика дана в форме внутренней речи персонажа:

Цыган
Обманет! не придет она! (IV, 197)

Эти слова перекликаются и с рассуждениями старого цыгана о ветренности женского сердца, и с признанием Алеко в том, что он «не верит больше никому»; в то же время эти слова

---

¹⁴ Липперт, с. 47.

как бы обращены к третьему лицу, возможно, к читателю. Одним словом, внутренняя речь в этом эпизоде несет большую смысловую нагрузку, Липперт и Шмитт дают в переводе также внутреннюю речь персонажа, Ольберг же, очевидно, просто не обратив внимания на этот нюанс, заменил внутреннюю речь на обычную прямую, к тому же снова сильно утяжелив строку:

Zigeuner.

Tauschst Du mich nicht, und kommst Du auch?¹⁵

Как отмечалось многими исследователями творчества Пушкина; «Цыганы» — наименее «байроническая» из всех «южных» поэм Пушкина.¹⁶ Это выражается прежде всего в минимальном количестве «экзотических» элементов, в намеренном приземлении среды обитания героев. Цыганский табор — это не воинственные черкесы в «Кавказском пленнике» и не властный и жестокий хан Гирей со своими приближенными, которые подстать ему, в «Бахчисарайском фонтане». Цыгане у Пушкина — «шумная толпа», причем слово «толпа» у него явно стилистически нейтрально. В переводах всех трех авторов от этой нейтральности не осталось и следа. Так, в переводе Липперта «шумная толпа» превратилась в «беснующуюся толпу» (*tobender Zigeunerhauf*), — ни эпитет, ни определяемое слово в немецком языке не являются стилистически нейтральными. Ольберг переводит слово «толпа» последовательно как «орда» (*Horde*), а Шмитт и вовсе как «банда, шайка» (*Bande*). От намека автора оригинала на миролюбие цыган в первых строках поэмы в переводах не остается и следа. Вообще эпитеты «мирный», «тихий», как заметил Б. В. Томашевский,¹⁷ являются важнейшими характеристиками цыган в поэме, не случайно они неоднократно повторяются в тексте произведения; практически везде они переведены всеми переводчиками соответствующими немецкими прилагательными: *friedlich, still, schüchtern, sanft*, которые плохо согласовываются с переводами словосочетания «шумная толпа». Кроме того, одним из постоянных эпитетов

¹⁵ Ольберг, с. 126 («Ты не обманываешь меня, ты на самом деле при-
дешь?»)

¹⁶ См., напр.: Манн Ю. В. Поэтика русского романтизма. М., 1976, с. 76

¹⁷ См. Томашевский Б. В. Пушкин М.; Л., 1956, кн. 1, с. 648.

в отношении цыган у Пушкина является прилагательное «дикий»: «Всё скудно, дико, всё нестройно», «Цыгана дикого рассказ», «Я диких песен не люблю», «Мы дики, нет у нас законов», «Ты не рожден для дикой доли» (IV, 182, 187, 189, 201). В контексте произведения этот эпитет выступает, скорее всего, в качестве синонима к прилагательному «вольный», не связанный условностями цивилизованного общества. Все переводчики, однако, во всех случаях (за исключением единственного, о котором будет сказано ниже) перевели его достаточно буквально — немецким «wild» («дикий, буйный»). От такого перевода пушкинский замысел явно пострадал. Лишь в одном случае все переводчики попросту опустили этот эпитет: в строке «цыгана дикого рассказ», почувствовав, по-видимому, что буквальный перевод был бы здесь совершенно неуместен.

Сравнительный анализ некоторых аспектов первых переводов поэмы «Цыганы» на немецкий язык (всеобъемлющий анализ был невозможен в краткой статье) отражает различный подход переводчиков к решению стоявших перед ними творческих задач. Наиболее неудачным из представленных выглядит перевод Эдуарда фон Ольберга. Мнение рецензента в «Blätter für literarische Unterhaltung» на этот счет совершенно определенное: «Называя < . . . > перевод бездарным, мы, возможно, неправы, но полагаем, что вполне можем обременить этим нашу совесть, — разве сам г-н переводчик не говорит со всей откровенностью, что он «ни в коей мере не литератор, и еще менее — поэт».¹⁸ И в самом деле, этот капитан прусского генерального штаба за ширмой цветистых высказываний прятал свой воинствующий консерватизм и весьма поверхностные знания русской литературы и русского языка. Говоря о русской литературе, он называл в одном ряду Загоскина, Булгарина, Греча, Полевого, Марлинского, Пушкина и Сенковского. Фон Ольберг принадлежал к той части прусского консервативного дворянства, которая безоговорочно поддерживала политику царизма по отношению к Германии. Тем самым он мог быть кем угодно, но только не достойным популяризатором творчества Пушкина в Германии.

Большого достигли своими переводами Роберт Липперт и Г. Л. Шмитт. Немецкая литературная критика встретила

---

¹⁸ Blätter für literarische Unterhaltung, 1840, Nr. 240, s. 967.

оба перевода с одобрением. При всех недостатках они представляют собой, бесспорно, положительную попытку познакомить немецкого читателя с лучшими образцами русской романтической поэмы первой половины XIX века, способствуя этим развитию и обогащению национальной немецкой литературы.

Когда Фарнхаген фон Энзе обращался к немецкому читателю с предупреждением не делать поспешных выводов о качестве русских оригиналов по немецким переводам, ибо немецкому языку необходимо приложить еще немало усилий для того, чтобы передать своеобразие русского поэтического слога, то он, скорее всего, имел в виду необходимость совершенствования переводчиками знания русского и немецкого языков, чтобы при переводе достигать верности оригиналу не только по содержанию, но и по форме.

МИНИСТЕРСТВО ВЫСШЕГО И СРЕДНЕГО СПЕЦИАЛЬНОГО ОБРАЗОВАНИЯ
ЛАТВИЙСКОЙ ССР

ЛАТВИЙСКИЙ ОРДЕНА ТРУДОВОГО КРАСНОГО ЗНАМЕНИ
ГОСУДАРСТВЕННЫЙ УНИВЕРСИТЕТ им. ПЕТРА СТУЧКИ

Кафедра русской литературы

ПУШКИН И РУССКАЯ ЛИТЕРАТУРА

Сборник научных трудов

ЛАТВИЙСКИЙ ГОСУДАРСТВЕННЫЙ УНИВЕРСИТЕТ им. П. СТУЧКИ

РИГА 1986